

книжники и фарисеи негодовали на чудеса Спасителя и, поражаемые въ сердце божественными знаменіями какъ бы камнями какими, терзались завистью, не знали что сдѣлать противъ этого и не могли никакимъ образомъ воспрепятствовать Чудотворцу. Поричая столь чудныя событія и облыжными словами уничижая славу Его, повсюду обходили страну іудейскую и самый Іерусалимъ и то говорили, что Веельзевуломъ совершаетъ Онъ знаменія (Лук. 11, 15), то, возбуждаемые до неудержимаго неистовства, утверждали, что бѣснуется и не знаетъ, что говорить. Такъ однажды они давали народу такое запрещеніе: „бѣса имѣетъ и бѣснуется. что Его слушаете“? (Іоан. 10, 20). Но ¹⁾ считаю нужнымъ сказать (подробнѣе), въ чемъ состояла причина столь несноснаго противленія ихъ Его славѣ.

Они убѣждали народъ, какъ мы только что указали, непринимать словъ Спасителя нашего и удаляться отъ Него, какъ учившаго противно закону, и стараться какъ можно далѣе убѣждать отъ Него, на противъ прилежать узаконеніямъ Моисеевымъ. По какой же причинѣ?—Говорили, что великій Моисей вывелъ древній народъ „въ срѣтеніе Бога“, по написанному (Исх. 19, 17), поставилъ у горы Синай, показалъ ему Бога на горѣ, далъ ему возможность слушать слова Его и весьма ясно удостовѣрилъ, что Богъ изрекалъ законы. А Этотъ (Христосъ) совсѣмъ не показалъ ничего такого. Что у нихъ было объ этомъ большое разсужденіе, можешь узнать изъ того, что увидишь ихъ говорящими къ слѣпому отъ рожденія, котораго Спаситель исцѣлилъ неизреченною силою: „соученикъ ты Того, мы же—Моисеевы ученики,

¹⁾ Пропущено нѣсколько словъ.

ибо мы знаемъ, что Моисею говорилъ Богъ, а Сего не знаемъ, откуда Онъ“ (Іоан. 9, 28—29). Такимъ образомъ приверженцы іудейскихъ догматовъ думали, что представляютъ неопровержимое основаніе за нихъ и неотвратимое для многихъ, чѣмъ, какъ и естественно, смущали малыхъ и вводили въ заблужденіе. И вотъ Филиппъ, помысливъ въ себѣ, что все это возраженіе Іудеевъ будетъ разрушено, если и Самъ Христосъ покажетъ вѣрующимъ въ Него Отца, обращается съ словами: „Господи, покажи намъ Отца, и довольно намъ.“ Разумѣй такъ эти слова: Владыка, говоритъ, все, приводящее къ вѣрѣ, совершается Твоею властью,—посредствомъ многочисленныхъ чудесъ можно бы обуздать неудержимое злорѣчіе Іудеевъ,—ничего для насъ не останется (желать), если и Ты Самъ покажешь намъ Бога и Отца, ибо этого будетъ достаточно для Твоихъ учениковъ, чтобы уже быть въ состояніи вполне отражать слова защищающихъ тѣ (законы Моисея). Придавъ подобное этому созерцаніе толкуемому изреченію, мы не погрѣшимъ, думается, противъ надлежащаго смысла. Призываетъ насъ къ такому разумѣнію и самъ Филиппъ, говоря: „*довольно намъ*“ видѣть Бога и Отца, какъ бы только это одно и остается для увѣровавшихъ. Предполагаетъ это отчасти и Самъ Спаситель въ дальнѣйшихъ Своихъ словахъ: „слова, что Я говорю вамъ, отъ Себя не говорю, но Отецъ, во Мнѣ пребывая, творитъ дѣла Самъ“ (ст. 10). Какъ надлежитъ разумѣть и это, о семъ должно быть сказано не здѣсь, а въ надлежащемъ и слѣдующемъ мѣстѣ.

XIV, 9. Глагола ему Иисусъ: толико время съ вами есмь, и не позна (ли) Мене, Филиппе: видѣвый Мя видѣ Отца. ¹⁾

Безпричиннымъ представляетъ ученику его незнаніе. Даже труднѣйшія созерцанія и для воспріятія умомъ требующія для себя тончайшаго изслѣдованія, хотя бы можетъ быть и не въ малое время, но въ теченіе продолжительнаго срока, сдѣлаются доступными для любознательныхъ и станутъ ясными. Тѣ же, въ коихъ нѣтъ ничего затруднительнаго, но доступны прямому знанію, каждый могъ бы понять безъ затрудненія. Что же, говоритъ, Филиппъ, препятствуетъ тебѣ для точнаго разумѣнія Меня, скажи? Вѣдь вотъ уже прошло столь продолжительное время, въ которое „Я съ вами есмь“, и достаточное для удостовѣренія въ томъ, что подобаетъ тебѣ знать,—а ты все еще сомнѣваешься, даже болѣе—оказался незнающимъ, кто Я по природѣ и откуда, хотя и видишь Меня творцомъ столь удивительныхъ для тебя дѣлъ. Какъ же не знаешь, говоритъ, что узрѣвшій Меня созерцаетъ Отца? Но объ іудеяхъ ты думаешь, что нѣкогда они на горѣ Синаѣ видѣли божественную природу и слышали Ея рѣчи, когда Она полагала законы для дѣятельности,—а самъ ты еще не убѣдился въ томъ, что ты созерцаешь Отца чрезъ Меня и во Мнѣ. Вѣдь „видѣвшій Меня видѣлъ Отца“. Что не на тѣлесное зрѣніе указываетъ намъ Христосъ, слушатели, думаю, не нуждаются въ длинныхъ доказательствахъ этого. Никто изъ имѣющихъ умъ не скажетъ, что природа Бога подлежить тѣлесному видѣнію, но даже и не плотскими очами можно созерцать только едва до-

¹⁾ Мар Сав. *толико и* Всѣ древн. *познали*, Ал *нѣси позналъ* Поздн. *не позналъ еси* Кут Кіев.

ступное, какъ въ зеркалѣ, ибо видимъ какъ въ за-
гадкѣ (1 Кор. 13 12), и даже величающійся очень боль-
шимъ знаніемъ, думаю, скудно мыслить о Богѣ.

Впрочемъ врагамъ истины, кои изощряютъ языкъ
свой противъ насъ, вѣрнѣе же—противъ самой сущно-
сти Единороднаго, скажемъ опять вотъ что. Если Сынъ
есть не изъ самой сущности Бога и Отца, будучи по
рожденію тѣмъ, что Онъ есть, то есть Богомъ по при-
родѣ и истинно, а однимъ только внѣшнимъ видомъ
блистаетъ и лишь пріобрѣтенною славою сіяетъ, но
не украшается ею какъ природнымъ достоинствомъ,
и въ этомъ именно смыслѣ отображаетъ въ Себѣ От-
ца и является неизмѣннымъ образомъ Бога: то, во
первыхъ, Онъ не былъ бы Сыномъ по природѣ, ни
истиннымъ рожденіемъ (Бога Отца), но такимъ же
какъ мы твореніемъ или чѣмъ другимъ подобнымъ.
А принявъ это и увѣровавъ такъ, мы должны конечно
считать вполне истиннымъ и то, что Отецъ не
будетъ отцомъ по дѣйствию и природѣ, но по жела-
нію только и пожалуй по мнѣнію, какъ называется и
нашимъ Отцомъ. А потомъ—что же слѣдуетъ отсюда?
Должно будетъ исповѣдываться и какъ бы по необ-
ходимости появиться тройство (въ Божествѣ). Вѣдь
тогда у насъ является вѣра уже нѣкоторымъ обра-
зомъ не въ Святую Троицу, а скорѣе въ трехъ, какъ
скоро Они не пребываютъ другъ въ другѣ сущест-
венно, но каждый какъ бы отдѣляется отъ Своихъ
именъ въ свойство Своей собственной природы (бу-
дучи по природѣ не тѣмъ, что дается въ названіяхъ
Отца и Сына) и совершенно отсѣкаясь отъ другаго.

Но значеніе этого созерцанія побуждаетъ насъ ска-
зать объ этомъ и нѣсколько больше. Вѣдь если до-
пустимъ это истиннымъ, назовемъ дѣйствительнымъ
и признаемъ Сына совершенно чуждымъ сущности

Бога и Отца, то развѣ Онъ не окажется лжецомъ, когда говоритъ: „*видѣвшій Меня видѣлъ Отца*“. Если Отецъ есть Богъ по природѣ, то какимъ образомъ Сынъ, не будучи, по ихъ словамъ, Богомъ ^{по природѣ}, можетъ являть въ Себѣ Отца? Какъ въ созданномъ мы можемъ созерцать несозданное? Въ нѣкогда не сущемъ, поскольку Онъ считается сотвореннымъ, какъ можно видѣть Сущаго всегда? И пусть никто изъ высказывающихъ эти хулы не говоритъ мнѣ, искажая истину, что какъ скоро Онъ имѣетъ славу Бога и Отца, и силу и премудрость Его и благость и всемогущество и мощь приводить къ бытію нѣкогда не существовавшее, то поэтому и есть образъ Его. Но пусть докажетъ прежде, является ли Онъ Богомъ по природѣ, и притомъ въ такомъ истинномъ смыслѣ, что отнюдь никакого недостатка нѣтъ въ общемъ и всецѣломъ сходствѣ Образа съ Первообразомъ. Если же онъ вопреки своему желанію оказывается не въ состояніи и это доказать, то, во вторыхъ, потребуемъ отъ него сказать, какое основаніе позволяло бы, хотя и не сущему по природѣ Богу, согласно принадлежащей имъ болтовнѣ, имѣть силу исполнять дѣла божества? Вѣдь это значитъ носить образъ Отца. Если Сынъ, не имѣя внутри Себя достаточной для сего силы, получаетъ отъ Отца и надѣляется отъ Него и премудростью и силою, чтобы быть въ состояніи совершать то, что и подобаетъ, скажемъ, одной только природѣ Отца, то Онъ въ такомъ случаѣ окажется высказывающимъ ложь на образъ и подобіе (когда говоритъ о Себѣ, какъ образъ Бога Отца). Если же мы не можемъ допускать, чтобы Онъ говорилъ ложь, будучи таковымъ, какъ мы сказали (истиннымъ образомъ Бога), и должны соглашаться съ Нимъ, какъ говорящимъ истину, то окажемся повреждающими и

самую славу Бога Отца. Какъ это, скажу. Вѣдь или необходимо говорить, что говоритъ ложь на образъ Бога и Отца, не имѣя внутри Себя достаточной силы для дѣлѣ, но надѣляемый ею отъ другаго, ибо не таковъ первообразъ. Или, если истинны Его слова, что говорящимъ въ Немъ оказывается Отецъ и что совсѣмъ ничего нѣтъ различающаго (ихъ существо) или посредствующаго или измѣняющаго всецѣлое Ихъ сходство, то необходимо наконецъ, даже невольно, сказать, что и Самъ Отецъ имѣетъ силу полученную отъ другаго, ибо такъ показать восхотѣлъ Онъ намъ Себя въ Образѣ Своей природы или славы.

Итакъ, развѣ не видите, скажетъ имъ наконецъ кто-либо, куда отклоняется отъ прямого пути ваше разсужденіе и въ какія дебри заводитъ думающихъ такъ? Да вѣдь можетъ, скажутъ, хотя и будучи тварнымъ, Сынъ совершать дѣла божеской природы, если такъ угодно Богу и Отцу. Но что можетъ быть нечестивѣе этого? Въ такомъ случаѣ уже ничего не будетъ большаго или высшаго въ Богѣ сравнительно съ тварью, какъ скоро станемъ усвоить ей силу и славу Божества. И никто по великому умоповрежденію своему да не считаетъ чѣмъ либо досточуднымъ и великимъ думать о Сынѣ и говорить, что хотя Онъ и тварь, но не какъ одно изъ твореній. Пусть знаетъ онъ, что не малый вредъ наноситъ славѣ Его. Вѣдь надо изслѣдовать не то, имѣетъ ли Онъ изрядную предъ другими тварями природу, но то, тваренъ ли Онъ вообще. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ можетъ избѣжать быть твореніемъ что либо, хотя бы это было и прекраснѣйшимъ изъ всѣхъ твореній? При уничтоженіи славы Сына отнесеніемъ Его къ тварямъ, зачѣмъ какъ бы въ нѣкоторое обличеніе Ему все указываютъ на то, что Онъ находится въ прекраснѣйшемъ срав-

нительно съ другими (тварями) мѣстѣ? Итакъ, мы нанесемъ вредъ сущности Бога и Отца, если силу совершать такія дѣла (божескія) усвоимъ Сыну, и притомъ какъ тварному, по невѣжественному и безразсудному разсужденію ихъ. Мы не должны допускать ихъ рѣчей о томъ, что дѣла божества совершаетъ Сынъ, будучи тварью по природѣ, ибо такъ угодно Богу и Отцу.

Если же они могутъ доказывать это отъ божественнаго писанія, то пусть приводятъ, что хотятъ, только пусть сохраняютъ намъ неподдѣльными изреченія святыхъ. И если и здѣсь они составляютъ такія разсужденія, кои суть изображенія ихъ собственнаго мнѣнія, то мы ласково скажемъ: „горе пророчествующимъ отъ сердца ихъ“ (Іезек. 13, 3). Вѣдь мы должны согласиться съ тѣмъ, что Отецъ всегда желаетъ того, что можетъ соблюдать въ неизмѣнности Его божескую славу и что сохраняетъ правильность догматовъ о Немъ. Поэтому, распрощавшись съ безразсудствомъ тѣхъ, обратимся къ истинному ученію о Немъ, вѣруя, что Сынъ истинно рожденъ изъ сущности Бога и Отца и есть Богъ отъ Бога по природѣ. Итакъ, будучи образомъ и подобіемъ Бога и Отца, Онъ оказывается истиннымъ, когда говоритъ: *„видѣвшій Меня видѣлъ Отца; какъ же говоришь: покажи намъ Отца?“* Вѣдь тебѣ, Филиппъ, можно, говорить, созерцать во Мнѣ природу Отца и изъ того, что Я есть Самъ, усматривать Водителя, ибо Я явился и есть истинно и по сущности Его образъ точный и образъ сходный, начертывая въ Себѣ всю природу Бога и Отца. Какой же еще станешь отыскивать другой образъ боговидѣнія, если оказывается (уже) присущую тебѣ возможность мыслить правильно,—или какого (еще), скажи мнѣ, созерцанія требуешь? Неужели ты

думаешь, что древнимъ дано было высшее и точнѣйшее (боговѣдѣніе), когда сошелъ (Богъ) въ видѣ огня на гору Синай? Вѣдь іудеямъ обычно этимъ особенно величаться.

Такъ примѣрно, можемъ предполагать, рассуждалъ Христосъ. А что проявленіе чудесъ нашего Христа по (сообщенію) познанія о Богѣ и Отцѣ выше бывшаго на Синайской горѣ, объ этомъ считаю для себя нужнымъ говорить теперь же немедленно. Ты увидишь такимъ образомъ, что Филиппу, какъ скоро предъ нимъ былъ истинный Образъ (Бога), не было необходимости требовать другого рода созерцанія Бога и Отца, которое дано было и древнимъ на горѣ Синаѣ. Сошелъ тамъ Господь въ видѣ огня, какъ написано (Исх. 19, 18), то есть такъ созерцали Израильтяне. Но, думаю, никто никогда не могъ бы чрезъ это (созерцаніе Бога въ видѣ огня) достигнуть истинныхъ представленій о Богѣ или возвыситься до надлежащаго понятія о божествѣ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы это посредствомъ огня, какъ отъ нѣкагого образа, мы пришли бы къ Первообразу, то есть къ Отцу и Богу? Вѣдь Богъ благъ по природѣ и кромѣ того Творецъ, призывающій нѣкогда не сущее къ бытію и все содержитъ для существованія и животворить, Онъ есть премудрость и сила, благостенъ, милосердъ и милостивъ. Но ничего этого совсѣмъ нѣтъ въ огнѣ. Никто не можетъ подумать, если имѣетъ умъ, что огонь благостенъ и человеколюбивъ,—ни одинъ благо-разумный человекъ не скажетъ, что зиждителенъ, премудръ и животворенъ. Потомъ какъ, скажи мнѣ, посредствомъ огня могъ бы кто получить представленія объ истинномъ божествѣ? Или какимъ образомъ въ зеркалѣ и загадкѣ могъ бы узрѣть какое либо изъ природныхъ свойствъ Его? Какое же, спросятъ, основаніе и

какая была причина побуждавшая Бога принимать на горѣ Синаѣ видѣ огня? Отвѣтимъ, что въ то именно время начиналось воспитаніе Израиля Богомъ и какъ бы нѣкое правило ихъ собственной жизни сообщался имъ руководительный законъ, почему и надлежало тогда Богу являться имъ преимущественно наказующимъ и страшнымъ, чтобы преступники могли знать, что съ огнемъ у нихъ дѣло. Поэтому то и великій Моисей провозглашалъ израильтянамъ: „Богъ нашъ—огонь истребляющій“ (Второз. 4, 24 ср. Евр. 12, 29). Мы не можемъ конечно утверждать, чтобы столь премудрый (Моисей), изъясняя природу Бога, сталъ уподоблять ее огню, но онъ называлъ такъ Бога потому, что по превеликому отвращенію ко злу, Онъ, на подобіе огня всепожирающаго, не отказывается истреблять и уничтожать презирающихъ Его. Итакъ, чрезъ огонь Богъ познается не по тому и не съ той стороны, что Онъ есть по природѣ. Но Онъ допустилъ назваться и явиться такъ для пользы слушателей (и зрителей—израильтянъ времени Моисея).

Обратимся же наконецъ къ истинному и точнѣйшему созерцанію Отца, тоестъ къ Сыну. И мы увидимъ въ Немъ образъ Родителя, если устремимъ очи ума на присущія Ему преимущества. Благъ по природѣ Богъ Отецъ, таковымъ найдемъ и Сына, ибо развѣ не благъ Тотъ. Кто претерпѣлъ ради насъ такое униженіе и „пришелъ въ міръ грѣшниковъ спасти“ (1 Тим. 1. 15) и положилъ душу Свою за нихъ? Всемогущъ также Отецъ, таковъ и Сынъ; ибо что можетъ быть могущественнѣе Того, Кто повелѣвалъ и самимъ стихіямъ, запрещалъ морю и вѣтрамъ, преобразовывалъ природу вещей, во что хотѣлъ, прокаженному повелѣвалъ очиститься, слѣпымъ давалъ зрѣніе Своею божественною властью? Жизнь по при-

родѣ—Отецъ, жизнь такъ-же есть и Сынъ, животворящій истлѣвшихъ, разрушающій власть смерти и потому воскрешающій мертвыхъ. Справедливо, слѣдовательно, говоритъ Филиппу: „видѣвшій Меня, видѣлъ Отца“. Если, говорить, есть у тебя возможность вполне усматривать во Мнѣ и чрезъ Меня Родителя, то какой другой родъ боговидѣнія требуешь, получивъ гораздо лучший даннаго древнимъ и находясь съ истиннѣйшимъ Образомъ, то есть со Мною?

XIV, 10. Не въруеши ли, яко Азъ во Отца и Отецъ во Мнѣ есть.

Изображая въ Себѣ, Филиппъ, природу Родившаго, Я, говоритъ, являюсь образомъ сущности Его, какъ отображенный по Нему не внѣшнюю славою, что можетъ думать кто либо, и не какъ украшенный чужими и сообщенными качествами, но въ собственной природѣ ношу свойства Родителя и являюсь истинно тѣмъ, чѣмъ можетъ быть и Онъ, говорю по отношенію къ тождеству сущности.

Но ты опять скажешь на это, что ты въ концѣ концовъ все же не убѣжденъ въ томъ, что „Я въ Отца, и Отецъ съ Своей стороны также есть во Мнѣ“. Однажы значеніе Моихъ словъ, говоритъ, даже и невольно приводитъ тебя наконецъ къ согласію на это. Итакъ, что скажу Я, это конечно суть и слова Отца,—и что сдѣлаю Я, это дѣлаетъ и Отецъ. Говоритъ же это Христосъ, не какъ пользующійся словами кого либо другаго и не въ положеніи и мѣрѣ пророка передающій вышніе и отъ Отца исходящіе гласы, ибо они говорили конечно не свое, но Богъ давалъ имъ и вдохновлялъ. Усвояетъ также Отцу Своему и совершеніе чудесъ, не какъ чудотворящій сообщенною (отвнѣ) силою, подобно, напримѣръ, го-

ворившимъ: не думайте о насъ, что „своею силою или благочестіемъ“ мы исцѣлили, тоестъ больнаго (Дѣян. 3, 12). Вѣдь святымъ свойственно пользоваться для чудесъ не своею конечно силою, но Божіею, ибо служителями и исполнителями какъ божественныхъ словъ такъ и дѣлъ они оказываются. А такъ какъ Сынъ единосущенъ Отцу, никоимъ образомъ не отличаясь отъ Него и не имѣя ничего иного сравнительно съ Нимъ, то и слова Его собственные, говорить, суть слова Отца, такъ что Отецъ не могъ употребить другихъ словъ, какъ тѣ, что и Сынъ. Но также точно разумѣй и о величій дѣлъ. Такъ какъ Отецъ не можетъ и не совершаетъ ничего другаго, какъ то, что можетъ и совершаетъ Сынъ, то и говорить, что это—Его дѣла. Яснѣе можешь разумѣть слова его такъ: Я во всемъ вообще подобенъ Отцу и Образъ сущности Его, украшенный не внѣшнимъ лишь сходствомъ и внѣшнею славою, но имѣющій въ Себѣ всего Родившаго, по причинѣ тождества сущности.

XIV, 10. *Глаголы, яже Азъ глаголю, о Себѣ не глаголю но Отецъ, во Мнѣ пребывая, Онъ творитъ дѣла.* ¹⁾

Если бы, говорить, Отецъ обратился къ намъ съ рѣчью, то воспользовался бы тѣми же самыми словами, какими и Я теперь (говорю), а не другими, ибо Я имѣю съ Нимъ такое существенное сходство, что Мои рѣчи суть Его и что Я сдѣлаю, это считается Его дѣлами: „*во Мнѣ пребывая, по причинѣ тождества сущности, творитъ дѣла Самъ (Онъ)*“. Такъ какъ

¹⁾ Кир. *λᾱλῶ* вм др *λέγω* Оп. *εμίμ*, какъ др. и слав. Кир. *ἀλλὰ* вм *δέ* греч. и слав: *отецъ же* Кир. *αὐτός*, какъ одни и слав. *тѣ* Ал. *самъ* вм. др. *ἑρῶα αὐτοῦ* Но въ толкованіи *ποῦτι ἑρῶα αὐτοῦ*, можетъ быть надо *αὐτοῦ*. Въ Мир. ошибка: *пребываетъ*. Въ О. Ас. Ник. *дѣла* не соотв. подлиннику

божество имѣетъ одну сущность, мыслимую въ Отцѣ, Сынѣ и Святомъ Духѣ, то всякое слово отъ Отца конечно есть чрезъ Сына въ Духѣ,—и всякое дѣло или чудо чрезъ Сына въ Духѣ,—но совершается какъ бы отъ Отца. Не внѣ сущности Родившаго находится Сынъ, какъ и Духъ Святый,—но будучи въ Немъ Единородный и также имѣя въ Себѣ Родившаго. Самъ, говоритъ, Онъ дѣйствуетъ, ибо природа Отца дѣйствительна, прекрасно сіяя въ Сынѣ.

Къ этому можно присоединить и другую мысль, къ которой хорошій поводъ даетъ домостроеніе съ плотью. „Отъ Себя, говоритъ, не говорю“ вмѣсто: нераздѣльно и не вопреки волѣ Бога и Отца. Такъ какъ въ человѣческомъ образѣ Онъ являлся созерцавшимъ, то и усваиваетъ слова Свои природѣ божества, какъ бы въ лицѣ Отца, равно и дѣла. Какъ бы такъ говоритъ: да не отнимаетъ соотвѣтствующее Мнѣ и подобающее представленіе обо Мнѣ этотъ человѣческій видъ Мой и слова Мои не считайте словами простаго человѣка вамъ подобнаго, но (считайте ихъ) истинно божественными и подобающими Самому Отцу также, какъ и Мнѣ. Дѣйствуетъ же, „во Мнѣ пребывая“, ибо Я въ Немъ и Онъ во Мнѣ. Итакъ не думайте, говоритъ, что древнимъ дано что то великое и чрезмѣрное, именно зрѣть Бога какъ бы въ видѣ огня и слышать говорившій имъ голосъ, ибо чрезъ Меня и во Мнѣ вы истинно созерцаете Отца, хотя Я и явился подобнымъ вамъ, пришелъ явно, по слову псалмопѣвца (Псал. 49, 3). Знайте, что, услышавъ Мои слова, вы слышали слова (исходящія) отъ Отца. А также и зрителями Его дѣлъ стали вы и присущей Ему силы. И это потому, что чрезъ Меня говоритъ Онъ, какъ чрезъ Слово Свое, а также совершаетъ и производитъ досточудныя дѣла, опять какъ чрезъ Силу Свою.

Считаю несомнѣннымъ, что никто, если только онъ не поврежденъ въ умѣ своемъ, никогда не станетъ отсѣкать отъ сущности Отца ея Слово и Силу, но всякій согласится, что они существуютъ въ ней и присущи ей по природѣ.

ГЛАВА I.

О томъ, что по причинѣ тождества природы Сынъ въ Отца и Отецъ также въ Сына.

XIV, II. Вѣруйте, яко Азъ во Отца и Отецъ во Мнѣ есть.

Ясно уже говорить, даже болѣе—и повелѣваетъ наконецъ, что мы должны мыслить не иначе, какъ желаетъ Само Слово истины. Единосущно (*μονοούσιος*) Оно своему Родителю, безъ всякаго между Ними посредства или какого либо раздѣленія Того и Другого различіемъ природы. Одно Оно есть у Него, такъ что природа (*φύσις*) Сына является въ сущности (*οὐσία*) Родившаго, равно и природа Бога и Отца оказывается и блистаетъ въ сущности Рожденного, какъ это безъ сомнѣнія можно видѣть и въ насъ (людяхъ). Вѣдь мы не оказываемся другими по природѣ сравнительно съ нашими дѣтьми и не отдѣляемся отъ нихъ разностью природы, хотя и разобщаемся различіемъ тѣлъ. Посему то и можетъ видѣть блаженнаго Авраама тотъ, кто смотритъ на рожденного отъ него сына. Но у людей тутъ есть очень большое раздѣленіе, такъ какъ каждый по своему образу является и бываетъ какъ бы собранною въ себѣ и совершенно отдѣльною особью, и по тѣлу своему не соединенъ

¹⁾ Больш. авт. греч и слав приб: *мнѣ*. Мн греч. и слав. оп *есть* какъ и Кир. въ толк. но больш. чит и Остр. *Вѣруйте въ Меня*—точно соотв. греч. Асс. Мир. Ал. Конст и поздн. во Мар Гал Мст Ник *вѣру имете Мнѣ*, а Сав *вѣру емлете Мнѣ*.

внутренно съ другими, хотя и общая у всѣхъ называется природа. О Богѣ же истинномъ должно думать не такъ.

Отецъ есть отецъ лично и особо, а не сынъ, точно также Рожденный отъ Него есть сынъ, а не отецъ, и Духъ есть лично духъ. Но такъ какъ Святая Троица соединена и собрана въ одну природу Божества, то у насъ одинъ Богъ, и никто да не допускаетъ всецѣлаго раздѣленія каждаго изъ такъ обозначаемыхъ (Лицъ единого Божества) и да не признаетъ полной раздѣльности Ихъ бытія (сущности), но мы вѣруемъ, что каждый изъ Нихъ есть то, что Онъ есть и называется у насъ по Его особой ипостаси. Разумѣемъ Сына сущимъ отъ Отца, то есть происшедъ изъ сущности Его неизреченно и въ Немъ пребываетъ. Тѣмъ же самымъ образомъ—и о Святомъ Духѣ: Онъ истинно есть отъ Бога по природѣ, но отнюдь не отдѣленъ отъ сущности Его, а исходитъ изъ Него и въ Немъ всегда пребываетъ, подаваемый святымъ чрезъ Христа. Все чрезъ Сына въ Духѣ Святомъ. Такой правотѣ и истинности догматовъ научилъ насъ разумъ святыхъ отцовъ. Такъ научены мы говорить и думать и самими священными писаніями. А что мы вполне правильно идемъ къ этой неукоризненной вѣрѣ, въ этомъ удостовѣритъ Господь словами: „въруайте, что Я въ Отцѣ и Отецъ во Мнѣ“.

XIV, 11. *Аще ли же ни, за та дѣла въруайте Ми* ¹⁾.

Здѣсь ясно высказываетъ, что Онъ не содѣлалъ бы и не совершилъ бы никогда того, что подобаетъ одной только божественной природѣ, если бы Онъ не былъ и по природѣ изъ нея. И замѣтъ, съ какою

¹⁾ Въ греч. нѣк. оп. *ἀλλά*, др. *ἀλλοῦ* Ал. и поздн. *ἐνруайте*, древн: *ἐνру имете*, др. *εμετε* Ал. *διὰ* ради *σιν*.

твердостью и вмѣстѣ истинностью высказываетъ это. Онъ требуетъ вѣры не столько въ виду Своихъ словъ, хотя и не зналъ лжи, сколько въ виду Своихъ дѣлъ. А по какой причинѣ, скажу объ этомъ. Вѣдь употреблять Богу подобающія слова и рѣчи и высказывать что либо безразсудное, напримѣръ, не представляетъ ничего труднаго для человѣка бѣснующагося и умалишеннаго, а воспользоваться дѣломъ и силою, подобающими Богу, развѣ кто смогъ бы когда либо? Какойже изъ тварей Отецъ можетъ дать Свою славу? Развѣ обладать мощью все совершать и имѣть всемогущую силу мы не считаемъ славою Отца, что отнюдь не принадлежитъ ничему другому, находящемуся въ числѣ тварей? Итакъ, желая дать о Себѣ удостовѣреніе посредствомъ необходимыхъ и вмѣстѣ неопровержимыхъ доказательствъ, Христосъ повелѣваетъ вѣровать вслѣдствіе самыхъ дѣлъ Его, что Онъ въ Отцѣ и съ Своей стороны имѣетъ въ Себѣ Отца, тоестъ въ собственномъ Своемъ существованіи носить природу Отца, какъ подлинное Его рожденіе, какъ плодъ истинный, какъ Сынъ, природно явившійся отъ Отца.

Но между тѣмъ какъ Церковь Христова, хотя и весьма славящаяся правотою догматовъ, имѣетъ такое представленіе о Единородномъ, однакожь богоборные еретики убѣждаютъ думать иначе слушающихъ и принимающихъ ихъ пагубныя слова. Свирѣпствуя своими порицаніями противъ Христа, они, жалкіе, стараются превзойти другъ друга не въ рвеніи къ благочестію, но чтобы одному оказаться нечестивѣе другаго и высказать что либо наиболѣе нелѣпое. Такъ какъ они пьютъ вино изъ Содомы и горькій виноградъ собираютъ изъ Гоморры (Второз. 32, 32), ибо не отъ Божественнаго Духа пріемлютъ пред-

ставленія о Немъ, и не изъ откровенія отъ Отца, но изъ головы дракона (ср. Псал. 73, 13): то и совѣтъ не имѣютъ здравыхъ мыслей, а говорятъ такое, что дѣлаетъ горемычными души слушателей, низводя ихъ въ адъ и въ преисподнюю бездну. Осмѣливаясь даже излагать это и въ книгахъ, они тѣмъ какъ бы увѣковѣчиваютъ безсмертіемъ присущее имъ лукавство.

Достаточно высказавъ въ настоящемъ случаѣ то, что можетъ помогать слушателямъ имѣть правильное представленіе о Сынѣ, намъ не слѣдовало бы дѣлать никакого упоминанія объ ученіи ихъ. Но такъ какъ ничего нѣтъ невѣроятнаго въ томъ, что ихъ жалкими словами увлекутся души какихъ либо простодушныхъ людей, то я счелъ необходимымъ ниспровергнуть ихъ зловредную болтовню истинными догматами и показать легко опровержимою ихъ клевету, которою они хотятъ окружить Сына, а скорѣе— всю Божественную природу, что вѣрнѣе будетъ сказать.

Вотъ что встрѣтилъ я въ книгѣ нашихъ противниковъ. Занимаясь изслѣдованіемъ толкуемыхъ словъ, я нашелъ (въ этой книгѣ) послѣ нѣкоторыхъ другихъ разсужденій буквально такія слова: „итакъ Сынъ, существенно (по существу) объемлемый Отцомъ (*ὁὐσιωδῶς περιεχόμενος ὑπὸ τοῦ Πατρὸς*), Отца въ Себѣ имѣетъ слова изрекающимъ и знаменія совершающимъ, что и изъясняетъ въ словахъ: *что я говорю вамъ, отъ Себя не говорю, но Отецъ, во Мнѣ пребывавъ, творитъ дѣла Самъ* (ст. 10).

Такова ихъ пустословная болтовня. Но если и намъ надо представить нѣчто такое, что можетъ противостоять ихнимъ словамъ и изобличать ихъ неискренній умъ (Римл. 1, 28), то скажу вотъ что. Ихъ вы-